

Мы летели на самолёте около двух с половиной или трёх часов и к вечеру благополучно приземлились на военном аэродроме в Москве.

Самолёт плавно остановился, и как только гул двигателей стих, в салоне воцарилась тишина. Я увидел, как пилот открыл дверь кабины, вышел и подошёл к Жукову, сидевшему у окна в первом ряду.

– Мы прибыли, товарищ генерал! – сказал он, после чего резко потянул за ручку двери, пинком распахнул её, с грохотом опустил короткую железную лестницу и, выпрямившись, шагнул в сторону, пропуская Жукова.

Хотя никто не отдавал команды, как только Жуков поднялся, все в салоне разом встали, опустив руки по швам и не сводя с него глаз. Жуков задержался у открытой двери, затем неторопливо спустился по трапу. Его адъютант, держа в одной руке кожаный портфель, а в другой — серое пальто с зелёными генеральскими звёздами на полевых погонах, последовал за ним.

После ухода Жукова все засуетились, собирая свои вещи и направляясь к выходу один за другим. У меня с собой не было никакого багажа, так что собирать было нечего, и я просто пошёл вместе со всеми.

Едва я добрался до двери салона, как порыв влажного холодного осеннего ветра заставил меня поёжиться. Сходя по трапу, я невольно покачал головой и горько усмехнулся. Прожив в Москве пять или шесть лет, я прекрасно знал, что в октябре здесь по утрам и вечерам уже довольно холодно. А я был одет в летнюю боевую форму, да ещё и в юбку, едва прикрывающую колени — неудивительно, что мне было зябко. Я оглядел остальных: все были в тёплых шинелях, явно подготовившись к погоде.

Жуков стоял в двадцати метрах от самолёта у чёрного длинного автомобиля, пожимая руку человеку в военной форме. На нём самом была кожаная куртка, а шинель держал адъютант, стоявший позади. Я невольно подумал: вот бы он одолжил мне своё пальто! Конечно, это была лишь мечта — он ведь важная фигура, будущий заместитель главнокомандующего, с чего бы ему обращать внимание на такую мелочь, как я.

Когда я дрожал от холода, на мои плечи накинули шинель, и сразу же стало тепло, словно холод отступил. Обернувшись, я увидел полковника Королёва. Он сам был в лёгкой летней военной форме, видимо, заметив, как я мёрзну, решил отдать мне свою шинель. Я плотнее закутался в тёплое пальто и с благодарностью сказал:

– Спасибо, дядя Павел.

По моим историческим знаниям, во время войны командующие Ленинградским фронтом менялись с калейдоскопической скоростью, тогда как внутренние командиры военного округа оставались почти неизменными. Если я хочу найти в этом времени надёжную опору, Королёв — лучший выбор. К тому же, его дочь Вера — моя хорошая подруга.

Я оглядел пустынный аэродром. Вдалеке стояли два истребителя — вероятно, те самые, что сопровождали наш самолёт до Москвы. Два пилота, спустившиеся с самолёта, беседовали у Т-образного посадочного знака с дежурным офицером, державшим в руках белый и красный флаги. Кроме них, на аэродроме не было ни души.

После того как Жуков сел в длинный чёрный автомобиль и уехал, к нам подъехал автобус. Дверь открылась, и из него вышел капитан. Вместо того чтобы отдать честь, он просто бросил:

– Все в автобус, товарищи командиры!

Хотя все присутствующие, кроме меня, имели звание выше его, никто не возразил на его почти дерзкий тон. Раз уж старшие по званию молчали, я, скромный лейтенант, решил тоже держать язык за зубами.

В автобусе висели плотные шторы, и, когда выключили свет, внутри стало хоть глаз выколи. Я занял место в задней части салона, сел и закрыл глаза, чтобы немного отдохнуть. Всё равно за окном ничего не разглядеть, так что лучше поспать. Но перед тем как заснуть, я подумал о том, что, уезжая с высоты, я успел развесить только половину постиранного белья. Интересно, кто-нибудь додумался довесить его? И кто заберёт его, когда оно высохнет? Может, младший лейтенант Кирьянова, сержант Жанна или, может быть, милая Лена ?

Когда Королёв разбудил меня, автобус уже стоял перед гостиницей. Судя по всему, она находилась под прямым управлением военных: у входа дежурили часовые, а даже персонал внутри был одет в военную форму.

В холле нас встретила женщина-лейтенант, которая распределяла комнаты по званиям и должностям. Генералы получали отдельные номера, полковники делили комнаты на двоих, подполковники и майоры размещались по четверо. Когда дошла очередь до меня, она явно растерялась. Я был единственной женщиной, и выделить мне отдельный номер по званию не полагалось, а селить в комнаты с мужчинами тоже было неуместно. После долгих раздумий она решила разместить меня в общежитии для женщин-работников гостиницы.

В общежитии было четыре кровати. Когда младший лейтенант привела меня, в комнате уже находилась девушка-солдат. На ней была белая рубашка, и она сидела на кровати, читая книгу. Увидев нас, она тут же вскочила и принялась разглядывать меня с ног до головы, вероятно, размышляя, стоит ли отдавать мне честь. Младший лейтенант обратилась к ней:

– Акшара, я привела командира, она временно поживёт здесь несколько дней. Позаботьтесь о ней как следует.

Девушка по имени Акшара торопливо кивнула, подошла ко мне и хотела взять мой багаж, но, заметив, что у меня ничего нет, слегка растерялась. Затем она сказала:

– Товарищ командир, снимите, пожалуйста, шинель, в комнате есть отопление.

Она взяла у меня шинель и повесила её на крючок для одежды на стене.

Младший лейтенант повернулась ко мне:

– Меня зовут Люда. Если что-то понадобится, обращайтесь ко мне.

Она отдала мне честь, вышла и закрыла за собой дверь.

Я заметил, что Акшара стоит передо мной, немного не зная, как себя вести, и, улыбнувшись, спросил:

– А где мне спать?

Она оглядела комнату и указала на кровать у батареи:

– Спите там, ночью будет тепло.

Я сел на кровать, но сна не было ни в одном глазу. Зато голод давал о себе знать — с утра я ел лишь что-то лёгкое, и теперь желудок сводило от голода. Поколебавшись, я всё же спросил у Акшары:

– Дорогая, можно ли сейчас найти что-нибудь поесть?

– Без проблем, – бодро ответила она. – Это военное учреждение, в столовой еда доступна круглые сутки. Правда, сейчас военное время, так что выбор невелик. Что бы вы хотели? Я схожу и принесу.

– Коробку лапши быстрого приготовления, – ответил я, не задумываясь.

– Что?! Что это? – Акшара удивлённо переспросила. – Простите, повторите ещё раз.

– Лапша быстрого приготовления, – повторил я, уверенный, что сказал достаточно ясно.

– Что?! – Акшара посмотрела на меня с полным недоумением.

Неужели я так плохо выговариваю? Я решил повторить ещё раз, на этот раз медленно и чётко, стараясь произнести каждый звук:

– Лапша быстрого приготовления.

Но на лице Акшары всё ещё читалось полное замешательство. Я был слегка ошарашен. Неужели она не русская и не понимает русского языка? Я же сказал так ясно, а она всё равно не понимает?! Тем не менее, я собрался с терпением и принялся проговаривать слово «лапша» по буквам, словно диктуя.

– Лап-ша, – с трудом повторила она за мной, но её лицо по-прежнему выражало смесь удивления и растерянности. – Я не знаю, что это такое. В нашей столовой точно ничего подобного нет.

Тут я внезапно осознал свою ошибку и мысленно хлопнул себя по лбу. О чём я вообще говорю?! Лапша быстрого приготовления появилась только в 1958 году, а я всё время допускаю такие элементарные промахи! Я поспешил исправиться:

– Прости, я забыла. Это просто местное блюдо из моего родного края, в Москве его, наверное, нет. Лучше принеси мне хлеба и какого-нибудь супа.

– Хорошо, – кивнула она, надела военную куртку, открыла дверь и выбежала.

***

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/16020/1429213>